

„ХАЙРАБИ ЗОВЕТЪ!“

ГАНСА ВАЛЬТЕРА.

(Съ нѣмецкаго ¹⁾).

— Хайраби даетъ свѣтъ! крикнулъ ефрейторъ сверху.

— Сейчас! Унтеръ-офицеръ Бухгольцъ схватился за бинокль и страхнулъ, вставая, песокъ съ шинели. Пирамидальная деревянная вышка, поддерживавшая сигнальный фонарь, нагнулась и затрещала, когда легкая, тонкая фигура «почтальбона» вступила на перекладину.

— Готово? спросилъ онъ поднимаясь.

— Сейчасъ будетъ готово. Ефрейторъ сидѣлъ на корточкахъ въ темнотѣ за фонаремъ, бросавшимъ впередъ свой ослѣпительный свѣтъ во мракъ ночи.

Отъ косыхъ стоекъ вышки костеръ внизу бросалъ черныя тѣни на сѣрую шинель человѣка, коричневые ярко-освѣщенные сапоги котораго выставляли напоказъ грязныя грубо прибитыя подошвы.

Изрѣдка свѣтъ вырывавшагося пламени кислорода, въ которомъ такъ ослѣпительно калился гипсъ, падалъ на грубую руку, стучавшую рукояткой сигнальной дверки.

— Готово! Унтеръ-офицеръ сѣлъ рядомъ съ ефрейторомъ и сталъ наводить бинокль на темный горизонтъ сѣвера, въ то время какъ тотъ повѣрялъ направленіе фонаря по нарѣзкѣ, сдѣланной на перилахъ.

¹⁾ Mittlers Almanach. Zweiter Jahrgang.

Безлунное черное небо нависло надъ темнымъ пространствомъ. На бѣдномъ звѣздами небѣ южнаго полушарія, въ холодной, ясной выси, все же искрилось и блестяло, какъ въ одну изъ рѣдкихъ ночей. Но вотъ внизу сверкнула звѣзда, и съ неровными промежутками то потухала, то опять вспыхивала. Это былъ свѣтъ сигнальнаго фонаря со станціи Хайраби на Павіансконѣ.

Поспѣшно щелкаетъ сигнальная дверка.— Готово! коротко докладываетъ ефрейторъ.

— Зинцингеръ, записать! Приказъ унтеръ-офицера прозвучалъ необыкновенно рѣзко, какъ будто онъ спохватился, что забылъ его отдать раньше.

— Записать! повторилъ баварецъ. Онъ уже до приказа влѣзъ наверхъ и стоялъ на перекладинѣ у самой платформы. Наверху было мѣсто только для двоихъ.

Внизу у костра находился патруль Везендаля. Лейтенантъ всталъ и, прислонясь къ подмосткамъ, смотрѣлъ въ бинокль, напряженно слѣдя за далекимъ мерцаньемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прислушиваясь къ буквамъ, которыя унтеръ-офицеръ вполголоса диктовалъ обоимъ людямъ: ефрейтору—для отправки, рядовому—чтобы осталась копія. Офицеръ накинулъ свой плащъ и, при свѣтѣ костра, казался выточеннымъ изъ дерева. Онъ не шевелился.

Но его оба унтеръ-офицера были насторожѣ. Они устроились въ окопѣ у огня и смотрѣли впередъ.— Странно, доносился чей-то голосъ: у меня нѣтъ страха, но какъ то спокойнѣе на душѣ, когда вотъ такъ ночью, можно говорить съ кѣмънибудь. Не чувствуешь себя такимъ одинокимъ.

Остальные нижніе чины крѣпко спали у огня...

— Пест! позваль лейтенантъ.— Что тамъ такое? крикнулъ онъ наверхъ.

— Перестали подавать! поспѣшно отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Дамъ еще разъ вызовъ! рѣшилъ ефрейторъ. Быстро зацелкала сигнальная дверка. Офицеръ впился глазами въ темноту ночи. Но звѣзда потухла.

— Что успѣли передать? спросилъ лейтенантъ, не опуская бинокля. Въ голосѣ его слышалась тревога.

— Сейчасъ! Зинцингеръ съ полевой книжкой лежалъ уже у огня и связывалъ буквы. Унтеръ-офицеръ стоялъ рядомъ на корточкахъ и слѣдилъ за его рукой. Стекла его очковъ блестяли отъ огня.

— Горнъ, наверхъ! тотчасъ же тихо приказалъ онъ: наблюдать Хайраби! Ефрейторъ Мартинъ, вызовите Маліанапо!

— Маліанапо! повторилъ ефрейторъ и, повернувшись на шатавшейся платформѣ, сталъ направлять свѣтъ фонаря на юго-западъ. Рядовой Горнъ тяжело влѣзъ наверхъ.

Лейтенантъ въ это время стоялъ на колѣняхъ по другую сторону рядового Зинцингера и читалъ, что писала его рука, соединявшая буквы.

Станція Хайраби 17.12. 1904.

(Павіанскопъ) 11³⁰ ночи.

«Отрядъ Морица Траумана—около 40 ружей—сегодня вечеромъ атаковалъ Малховскій обозъ у Реминпанао. Малховъ и пять рядовыхъ убиты или пропали безъ вѣсти. Рядовой Шульцъ 3/2 раненый прибылъ сюда.

Трауманъ двигается на Линомбо. Сейчасъ будетъ атакована станція. Трауманъ виденъ. Тутъ всего пять ружей. Помощь необходима...»

Здѣсь сообщеніе обрывалось.

— Тревогу! Подать лошадей! Сѣдлать! коротко приказалъ лейтенантъ Везендаль, вставая.

— Маліанапо отвѣчаетъ, доложилъ ефрейторъ своимъ холоднымъ голосомъ.

— Сейчасъ! Унтеръ-офицеръ Бухгольцъ влѣзъ наверхъ, пока патруль началъ готовиться.

— Сообщите, что я ѣду, сказалъ офицеръ, застегивая пряжку у кобуры.

— Слушаю-съ! Торопливо щелкаетъ дверка. Рядовой Горнъ подошелъ къ периламъ и сталъ пристально вглядываться въ направлении Хайраби. На юго-западъ сверкалъ и мигалъ огонь Маліанапо...

Ярко разгорѣлся костеръ: Зинцингеръ подбросилъ сухой травы и дровъ, чтобы дать свѣту Везендалевскому патрулю. Огонь рѣзко освѣтилъ одѣвавшихся людей и головы лошадей съ поднятыми ушами и раздувшимися ноздрями.

— Если вы готовы, мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, унтеръ-офицеръ! позвалъ лейтенантъ Везендаль, не поворачиваясь и скатывая свой плащъ.

— Слушаю-съ! Окликнутый спустился.

— Какъ далеко до Хайраби? спросилъ офицеръ.

— 40 километровъ. Павіанскопъ лежитъ высоко.

— Знаете вы мѣстность?

— Я самъ устраивалъ станцію. Думаю, что противникъ, который смогъ ее атаковать, уже захватилъ ее! Голосъ маленькаго человѣка имѣлъ въ себѣ дѣйствительно что то невоинственное, но онъ говорилъ коротко и ясно, какъ долженъ говорить служащій.

— Почему? спросилъ офицеръ торопливо, какъ будто онъ касался вопроса, о которомъ нельзя было говорить.

— Она расположена высоко, на далеко выдавшемся утесѣ. Кто завладѣетъ перешейкомъ скалы, тому принадлежитъ и станція. А кто перешейкомъ не завладѣетъ, атаковать станціи не можетъ, потому что другого входа нѣтъ.

— Такъ вы думаете, что тамъ все кончено? Въ тонѣ голоса слышалось недовѣріе.

— Приходится это допустить: они вѣдь не отвѣчаютъ болѣе.

— Въ концѣ концовъ, дѣлайте какъ знаете! Можетъ быть у нихъ фонарь разбитъ или испорченъ... Лейтенантъ какъ бы говорилъ самъ съ собою.

— Надо идти! Къ такому выводу снова пришелъ въ эту рѣшительную минуту саксонецъ.

— Какъ туда идти? быстро спросилъ онъ.

— Все прямо на сѣверъ. Какъ выйдете изъ лѣска, такъ и идите прямо до Оксенфридгофа у Мариоба. Далѣе пойдете до Гейерхальскиппена, а тамъ ужъ станетъ свѣтло и будетъ видно. Тутъ то и начнутся скалы. Сбиться съ пути на Павіанскопъ нельзя.

— Есть ли вода, сержантъ Мейеръ? крикнулъ офицеръ въ темноту, откуда появились его люди, точно привидѣнья, попавъ въ свѣтъ костра.

— Все готово, раздался отвѣтъ.

— Все?

— Все, отвѣтило сразу много голосовъ.

— Ну, тогда въ дорогу! Лейтенантъ Везендаль влѣзъ на своего маленькаго коня, котораго держалъ одинъ изъ рядовыхъ, и, вытянувъ ноги впередъ, собралъ поводья и усѣлся поудобнѣе въ сѣдло. Лошадь дергала головой; холодныя удила беспокоили ее.

— До свиданья! сказалъ офицеръ и крѣпко пожалъ руку унтеръ-офицеру.

— До свиданья.

Молча двинулись въ путь десять всадниковъ. Одинъ за другимъ потянулись они мимо унтеръ-офицера и Зинцингера, и каж-

дый повторилъ: «до свиданья!» Послѣднимъ ѣхалъ берлинецъ Кулке.

— Счастливо оставаться, господинъ офицеръ! весело смѣясь, говорилъ онъ своимъ особымъ жаргономъ. — До свиданья старина! крикнулъ онъ Зинцингеру. — Сообщи-ка мнѣ туда о получкѣ денежнаго пакета, да тяжеленькаго! И, пока тотъ шелъ нѣкоторое время рядомъ съ нимъ, пошутилъ опять:— Настоящій вѣдъ «почталіонъ» — сигнальщикъ у васъ! Изъ почтамта № 6 на Мариенштрассе...

Унтеръ-офицеръ Бухгольцъ не слышалъ отвѣта Зинцингера. Онъ смотрѣлъ вслѣдъ уѣзжавшимъ, пока темнота ночи совсѣмъ не скрыла ихъ...

Тяжело ступая вернулся баварецъ назадъ. Огонь потухалъ...

— Дайте догорѣть, Зинцингеръ! сказалъ унтеръ-офицеръ: насъ всего четверо и мы не можемъ выставлять поста; лучше, если насъ скроетъ темнота.

Баварецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на маленькаго человѣка: онъ никакъ не подозрѣвалъ столько практичности въ «почталіонѣ». Онъ молча разбросалъ уголья.

Ефрейторъ закрылъ наверху кранъ отъ кислороднаго генератора и медленно спустился внизъ. Горнъ оставался караулить; его долженъ былъ смѣнить Зинцингеръ и, въ концѣ концовъ, унтеръ-офицеръ. По два часа каждый. Свободные закутались въ плащи и одѣяла и скоро заснули. Дежурный долженъ былъ самъ позаботиться о своевременной смѣнѣ. Но Бухгольцу не спалось. Онъ думалъ о драмѣ, тревожныя свѣдѣнія о которой долетѣли до нихъ, и о патрулѣ, который шелъ во тьмѣ навстрѣчу неизвѣстности...

— До свиданья! сказалъ каждый изъ нихъ. Но свидятся ли всѣ снова!?..

Когда Зинцингеръ разбудилъ унтеръ-офицера, чтобы занять постъ у фонаря, было уже пять часовъ. Еще надъ землей лежала ночь, но рѣзкій холодъ, предшествующій появленію солнца, уже предвѣщалъ приближеніе утра.

Бухгольцъ глядѣлъ въ темноту и думалъ о томъ, что принесетъ имъ наступающій день. Какъ только взойдетъ солнце, нужно будетъ вызвать гелиографомъ Хайраби; тогда выяснится не была ли ночная тревога слѣдствіемъ порчи фонаря. А можетъ быть что-нибудь удастся узнать и о патрулѣ Везендаля?

Ну а потомъ? Если Трауманъ дѣйствительно идетъ на Линombo, то онъ долженъ быть недалеко отсюда. Это грозило большой опасностью. Не надо ли выслать дозоръ? Но кого? Ихъ всего то четверо... Зинцингера! пронеслось у него въ головѣ.

— Нѣтъ! Ужъ никакъ ни его! отвѣтилъ онъ самъ себѣ. Но мысли его уже не оставляли этого человѣка....

Большой баварецъ не мирился съ тѣмъ, что маленькій житель Рейнскихъ провинцій былъ его начальникомъ. Унтеръ-офицеръ тутъ подѣлать ничего не могъ. Его, шутя, называли «почтальономъ», чтобы, несмотря на все уваженіе къ занимаемой имъ должности, подчеркнуть его невоинственный видъ.

У себя, въ Германіи, въ то время какъ Зинцингеръ въ Баваріи имѣлъ уже хорошее мѣсто, унтеръ-офицеръ, со времени поступленія въ солдаты, никакъ не могъ продвинуться по службѣ. Чиновникъ въ душѣ, онъ только въ телеграфномъ баталіонѣ выказалъ свои способности и, оставшись на сверхсрочную службу, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и командированъ сюда.

Зинцингеръ служилъ въ кавалеріи; образованіе получилъ въ телеграфной школѣ. Терпѣніе и настойчивость выдвинули его скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Гордясь своими успѣхами, онъ, какъ старый резервистъ, съ горечью подчинялся унтеръ-офицеру, который былъ моложе, мѣншаго достигъ и не умѣлъ ѣздить верхомъ.

Маленькій унтеръ-офицеръ, краснѣя, вспоминалъ, какъ однажды гнѣдой австраліецъ моментально сбросилъ его, когда онъ задумалъ поднять коня въ галопъ. Убитый готтентотъ лежалъ за утесомъ; лошадь, испугавшись трупа, шарахнулась влѣво, всадникъ вылетѣлъ по инерціи по направленію первоначальнаго движенія и кувырнулся въ песокъ. При этомъ потерялъ очки, а когда всталъ — коня и слѣдъ простылъ.

Зинцингеръ, ѣхавшій около, громко захохоталъ.

— Осторожнѣе, господинъ унтеръ-офицеръ! насмѣшливо крикнулъ онъ.

И съ того дня онъ такъ проникся своимъ превосходствомъ, что даже не скрывалъ своего презрѣнія, забывая при этомъ, что унтеръ-офицеръ только здѣсь, въ Африкѣ, въ первый разъ въ жизни сѣлъ на лошадь и что, съ другой стороны, плацъ 4-го эскадрона въ Регенсбургѣ могъ бы тоже кое-что поразсказать о его «непроизвольномъ спѣшиваніи», когда онъ былъ новобранцемъ.

Отношенія стали невозможными и не улучшились даже тогда, когда капитанъ Рабе, случайно бывшій тому свидѣтелемъ, замѣ-

тиль ему какъ мало почтителенъ былъ онъ, рядовой, къ своему унтеръ-офицеру и при всѣхъ поставилъ баварца на подобающее ему мѣсто. Ожидаемое производство въ ефрейтора не состоялось и рядовой винилъ въ этомъ унтеръ-офицера; тотъ же былъ тутъ совершенно не при чемъ.

Именно поэтому Зинцингеръ не долженъ идти съ дозоромъ; лучше ужъ послѣдній и не высылать. ..

Но тутъ дежурный вздрогнулъ. Что это? Вдали заблестѣлъ огонекъ. Вызываетъ Маліанапо. Поспѣшно зажегъ онъ фонарь и зацелкалъ сигнальной дверкой; въ то же время онъ сталъ громко звать Мартина и Горна. Всѣ быстро вскочили.

Маліанапо спрашивалъ, удалось-ли возобновить связь съ Хайраби, и на отрицательный отвѣтъ сообщилъ, что лейтенантъ Риттеръ, съ новымъ сигнальнымъ аппаратомъ, выступилъ ночью черезъ Оллинбена на Хайраби. Надо внимательно слѣдить. Отрядъ противника сумѣлъ захватить важнѣйшій пунктъ всей линіи.

Ефрейторъ Мартинъ спустился и Горнъ за нимъ.

— Мы посмотримъ лошадей, скоро день! сказалъ первый.

Унтеръ-офицеръ опять остался одинъ....

Мартинъ былъ правъ: уже свѣтало. Поразительно быстро начало окрашиваться небо. Казалось, будто кто-то снялъ темную покрывку, которая давила землю. Всѣ отбѣнки отъ темно-краснаго до темно-синяго одновременно появились въ воздухѣ; звѣзды исчезли и все ярче становились краски востока. Внизу, на землѣ, еще было темно, темно-зелеными пятнами казались во мглѣ кусты, тогда какъ вдали уже виднѣлись ярко освѣщенныя вершины горъ.

Ледяной вѣтеръ подулъ съ востока, точно бѣжалъ, подобно тѣмъ, передъ тепломъ и свѣтомъ небеснаго свѣтила, величаво поднимавшагося изъ-за горъ Омбари. Но вотъ и первый лучъ солнца вырвался на землю, за нимъ—другіе и передъ глазами унтеръ-офицера открылась чудная картина волшебной страны.

Наступилъ день.

Внизу проснулся Зинцингеръ и сладко потянулся... Встряхнувъ одѣяло, онъ снесъ его на повозку и безцеремонно принялся за свой туалетъ, причѣмъ снялъ мундиръ и поставилъ воду въ большой жестяной крышкѣ на ящикъ отъ аппарата.

— Добраго утра, Зинцингеръ! крикнулъ ему Бухгольцъ.—Возьмите себѣ лучше мясной ящикъ; въ томъ, который у васъ, геліографъ; онъ намъ сейчасъ понадобится.

— Слушаю-сь! отвѣтилъ угрюмо баварецъ; когда приходилось вставать такъ рано, онъ былъ всегда въ дурномъ настроеніи духа. Но все же онъ взялъ свой умывальный приборъ и поставилъ въ тѣни телеграфной повозки на мясной ящикъ. «Почталіонъ!» пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

Мартину не пришлось долго искать лошадей; онѣ лежали стреноженные въ кустахъ и не могли подняться. Теперь они гнали всю восьмерку къ водою, гдѣ оба человѣка привязали ихъ подъ большой акаціей и наполнили колоду водой. Здѣсь онѣ должны были простоять все утро...

Оригинально, во всякомъ случаѣ, выглядѣла сигнализационная вышка, «маякъ»! Съ большимъ искусствомъ былъ сдѣланъ изъ бревенъ и жердей остовъ около шести метровъ высоты, суживавшійся къверху, на которомъ была устроена изъ старыхъ досокъ «платформа» для аппарата.

Некрасивымъ и неуклюжимъ выглядѣло все сооруженіе, но держалось крѣпко.

Этотъ «маякъ» находился на плоской вершинѣ песчаного холма, спускавшагося во всѣ стороны почти одинаковыми скатами, на которыхъ, кромѣ двухъ—трехъ большихъ деревьевъ, росъ лишь тощій низкорослый, черноватый кустарникъ. У подошвы холма кустарникъ раскидывался во всѣ стороны густой труднопроходимой чащей, походившей на грубый коверъ. Кое-гдѣ виднѣлись холмы, подобные тому, на которомъ стоялъ маякъ. Дальше, на сѣверѣ, возвышались красновато-желтыя горы, высшую вершину которыхъ, Павіанскопъ, трудно было отличить издали. Отсюда же видны были очертанія «Аффенкопфа» (обезьянней головы), названной такъ благодаря своему сходству. Низкіе холмы замыкали горизонтъ на югѣ и западѣ.

Даже профанъ и тотъ скоро бы увидѣлъ, что станція должна была быть устроена именно здѣсь, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ устройство ея не потребовало много работы: въ сущности и былъ-то всего одинъ «маякъ»; затѣмъ—ровъ, окружавшій станцію, телеграфная повозка, брезентъ съ которой ефрейторъ Мартинъ и рядовой Горнъ старались какъ-разъ натянуть для защиты отъ солнца, и нѣсколько поставленныхъ одинъ на другой ящиковъ. Это и была станція Аллабати.

Хотѣли здѣсь построить блокаузь, но необходимый для этого матеріалъ еще не былъ доставленъ.

Здѣсь-то унтеръ-офицеръ Бухгольцъ и находился со своими тремя людьми уже 5 дней. Счастье, что водоемъ у большого дерева былъ удобно расположенъ и богатъ водою; но зато пища была довольно однообразна.

Съ помощью тлѣющихъ угольевъ, Горнъ, бывший ранѣе ловкимъ піонеромъ, развелъ огонь и принялся варить кофе, котораго имѣлось у нихъ вдоволь. Унтеръ-офицеръ и Мартинъ за это время установили гелиографъ и начали имъ работать. Малианапо тотчасъ же отвѣтилъ, а Павіанскопъ попрежнему хранилъ молчаніе. Серьезно посмотрѣли другъ на друга оба человѣка: значить это было больше, чѣмъ порча фонаря?..

Мартинъ остался дежурить наверху; унтеръ-офицеръ спустился, почистилъ костюмъ, умылся и выпилъ кружку кофе съ цѣлой пригоршней сухарей, добытыхъ изъ мѣшка. Худой, маленькаго роста, онъ походилъ, со своей длинной бородой и очками, на кого угодно, но только не на солдата.

Зинцингеръ убралъ свои вещи и собирался пойти взглянуть на лошадь, когда Вухгольцъ окликнулъ его. Подошелъ и Горнъ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, что вы думаете о нашемъ положеніи? спросилъ онъ не безъ смущенія.

— Хорошаго мало! коротко отвѣтилъ Зинцингеръ.

— Если Трауманъ идетъ на Линомбо, онъ пойдетъ, вѣдь, мимо насъ, медленно протянулъ Бухгольцъ.

— Такъ и пусть его! ввернулъ снова баварецъ.—Онъ и поплатится за это. Глаза Зинцингера заблестѣли; снова ему въ голову пришла непокидавшая его мысль: вѣдь такъ странно звучалъ голосъ «почталъона»! Очевидно маленькій человѣкъ боится.

— Сюда наверхъ они не такъ-то скоро взойдутъ; скаты холма похожи на гласисъ, сказалъ спокойно Горнъ.—Не взойти имъ, добавилъ онъ уже болѣе энергично.

— Но синій бобъ взлетаетъ и на гору! Баварецъ попробовалъ шуткой обрисовать угрожавшую имъ опасность.

— Мы будемъ... но унтеръ-офицеръ не кончилъ; не очень далеко раздался выстрѣлъ. Еще другой... И снова все стихло. Рядовой Горнъ вскочилъ, схватилъ ружье и трижды выстрѣлилъ кверху.

— Кто-то есть въ кустахъ, сказалъ онъ. Всѣ стали прислушиваться и радостно переглянулись другъ съ другомъ, когда снова

раздались три выстрѣла, на которые Горновское ружье отвѣтило тѣмъ же. Всѣ поднялись на вершинку къ маяку и стали глядѣть на сѣверь, откуда донеслись звуки выстрѣловъ.

— Спустимся-ка лучше, Мартинъ, да приляжемъ всѣ трое, по-совѣтоваль Бухгольцъ. — Быть можетъ, мы сами себя выдали стрѣльбой; они насъ и ухлопають сразу.

Онъ лежалъ уже на пескѣ. Зинцингеръ одинъ остался стоять.

— Ложитесь же и вы, Зинцингеръ! уговариваль унтеръ-офицеръ. — Вѣдь васъ еще легче увидячь издали, чѣмъ насъ.

Усмѣхнувшись, баварець исполниль его просьбу.

— Вотъ! крикнуль Мартинъ.

— Это лейтенантъ Везендаль! добавиль Горнъ.

Изъ кустарника внизу показались два всадника и рядомъ пѣшій, который, казалось, съ трудомъ слѣдовалъ за ними.

Четыре человѣка у маяка поднялись, сами не зная почему, и замахали шапками. Верховые внизу отвѣчали тѣмъ же; одинъ пустиль лошадь рысью и вѣхаль на холмъ.

Это былъ ефрейторъ Штейнъ изъ Везендалевскаго патруля.

— Бѣда случилась, подумаль Горнъ.

Да, случилась бѣда. Четверо обступили ефрейтора и помогли ему сойти съ коня.

— Ну, что случилось? Въ чемъ дѣло? Гдѣ другіе? спрашивали они, перебивая другъ-друга.

— Убиты, отвѣтилъ мрачно ефрейторъ. Всѣ замолчали.

— Подвезите-ка того, что тамъ внизу, на моей или одной изъ вашихъ лошадей! крикнуль Штейнъ и показалъ на обоихъ съ трудомъ подвигавшихся впередъ. Но Мартинъ уже бѣжалъ имъ навстрѣчу, а за нимъ слѣдовалъ Горнъ, успѣвшій взять свою лошадь. За это время ефрейторъ Штейнъ сталъ докладывать о происшедшемъ унтеръ-офицеру. Какъ и всегда, все шло хорошо до Гейерхальса; тамъ они очутились внезапно подъ огнемъ. Лейтенантъ Везендаль и сержантъ Мейеръ свалились первые; потомъ полегли и остальные. Только они трое и выбрались, прорвавшись назадъ. Человѣкъ на лошади раненъ, конь другого палъ по дорогѣ. Послѣ этого онъ съ рядовымъ Шмидтомъ, оказавшимся безъ лошади, поочередно ѣхали верхомъ и бѣжали у стремени. У готтентотовъ были желтыя повязки на шляпахъ... Трауманъ!..

— У Гейерхальса? задумавшись переспросиль унтеръ-офицеръ.

— Сейчасъ сзади.

— Это отсюда неполные 18 километров. Его видно отсюда, указаль онъ вдаль. Преслѣдовали вась?

— Нѣтъ! Это было какъ-разъ на разсвѣтъ, добавилъ ефрейторъ.

Тѣмъ временемъ прибыли и оба отставшихъ. Зинцингеръ снялъ съ лошади рядового Грабовскаго; рука его была прострѣлена.

Шмидтъ былъ невредимъ; правда онъ усталъ, но настроеніе духа было хорошее: онъ съ легкимъ сердцемъ уже не думалъ о случившемся.

Раненаго лихорадило. Его положили въ тѣни повозки, подъ брезентомъ, и окружили своими заботами. Отпоротый окровавленный рукавъ мундира былъ брошенъ въ сторону; крышку ящика разломали, чтобы сдѣлать лубки; руку обмыли, положили въ лубки и забинтовали. Входное пулевое отверстіе было маленькое и казалось пустячнымъ, но тамъ гдѣ пуля вышла, пробивъ руку, все было изорвано и перебито. Въ концѣ концовъ перевязка была сдѣлана на славу и рука уложена въ подвязанную косынку.

Вода и кофе освѣжили раненаго, тѣнь и покой принесли ему облегченіе.

— Зинцингеръ! Вызовите Маліанапо, сказалъ унтеръ офицеръ Бухгольцъ:— сообщите о происшедшемъ и спросите, что было у нихъ.

— Слушаю-сь, господинъ унтеръ-офицеръ! отвѣтилъ баварець, умышленно дѣлая удареніе на словахъ.

Между тѣмъ, оба вернушіеся цѣлыми и невредимыми подкрѣпляли свои силы кофе и сухарями. Горнъ хлопоталъ объ ихъ лошадяхъ, а Мартинъ помогалъ Зинцингеру сигнализировать.

Отвѣтъ изъ Маліанапо былъ коротокъ: извѣстіе передадутъ дальше. Неужели о Хайраби все еще нѣтъ никакихъ извѣстій?

Оба всадника Везендалевскаго патруля бросились въ тѣнь и скоро заснули.

Приближались часы зноя. Солнце уже было высоко, въ воздухѣ поднимались дрожація нагрѣтыя струи. День обѣщалъ быть жаркимъ.

Унтеръ-офицеръ Бухгольцъ снова попыталъ счастья. Но Хайраби молчалъ...

Въ полдень онъ собралъ людей. Горнъ къ этому времени сварилъ супъ изъ консервовъ.

— Мы должны ожидать атаки на насъ, сказалъ опять сконфуженнымъ тономъ Бухгольцъ. — Нужно окопаться!

— Гдѣ-же? быстро спросилъ Зинцингеръ.

— Здѣсь! Унтеръ-офицеръ показаль на одно мѣсто свѣже-вырытаго окопа, гдѣ грунтъ повидимому держался лучше.

— Какъ же! подумаль баварець. Вуду я тебѣ кротомъ!

Трое остальныхъ уже несли съ повозки лопаты.

— Что-же вы думаете, господинъ унтеръ-офицеръ, что тамъ внизу будетъ безопаснѣе?

— Да. Бухгольцъ, казалось, не слышалъ тона вопроса.— Всѣ запасныя части и книги мы все равно должны закопать.

Три рядовыхъ принялись за работу: сначала углубили окопъ, а затѣмъ вырыли яму почти въ три метра длины и два ширины.

— Пожалуйста помогите, Зинцингеръ! сказалъ унтеръ-офицеръ.— А я пока принесу съ повозки самое важное. Медленно взялъ баварець четвертую лопату и лѣниво принялся копать. Онъ бормоталь что-то себѣ подъ-нось. Потомъ все же разошелся, сталъ работать на совѣсть и часа въ два работа была кончена.

Яма, вырытая ими, представляла полное обезпеченіе со всѣхъ сторонъ; надо было лишь покрыть ее сверху, чтобы образовать надежное подземное помѣщеніе, въ которомъ можно было бы жить. Подвезли повозку, сняли колеса и кузовъ, укрѣпили у ямы. Всѣ ящики, предметы снаряженія и мѣшки съ провизіей уложили тутъ же. Послѣ всего въ закрытіе былъ перенесенъ раненый; только однѣ лошади остались прямо на воздухѣ. Иначе нельзя было; да и готтентоты животнымъ вреда не сдѣлають: они предпочтуть ихъ забрать къ себѣ живыми. Итакъ, рѣшено было оставить ихъ ночью на свободѣ. Вода и кормъ имѣлись налицо.

— Ну, теперь можете приходить!

Шмидтъ и Горнъ въ это время старались натянуть брезентъ надъ открытой ямой...

— Они насъ побоятся. Намъ нечего ихъ бояться! подшучиваль баварець.

— А кто же ихъ боится? грубо спросилъ ефрейторъ Штейнъ.

— Не я! возразилъ баварець и полѣзъ ложкой въ супъ.

— Такъ и не говори глупостей!

Штейнъ былъ вспыльчивый крестьянинъ. Онъ помолчалъ немного и сказалъ:— лейтенанту Везендалю угодили въ голову. Я видѣлъ какъ его разодранная шляпа полетѣла въ сторону. Онъ упаль съ лошади впередъ... Храбрый былъ человекъ.

— Ну, не каждый храбрый, кто съ лошади падаетъ, проговорилъ Зинцингеръ и поглядѣлъ при этомъ на унтеръ-офицера. Но тотъ былъ наверху на вышкѣ и сигнализировалъ Хайраби... Увы! Хайраби не отвѣчалъ.

Тайнственно и молчаливо лежали внизу массы кустарника; солнце приближалось къ западу; горы вдаль выглядѣли совсѣмъ иначе, чѣмъ утромъ, сохраняя тотъ же таинственный и грозный видъ.

Шли приготовленія на ночь. Горнъ сталъ на послѣднюю дневную смѣну. Унтеръ-офицеръ спустился внизъ и отдалъ распоряженія на ночь. Вѣдь ихъ было всего шесть человекъ, не считая раненаго: двое должны были караулить—одинъ на вышкѣ, другой внизу, оба съ ружьемъ въ рукахъ. Огня не позволено было разводить.

— Думается мнѣ, что мы преспокойно проведемъ ночь, высказалъ свое предположеніе Мартинъ.

— Да, врядъ ли нападуть на насъ. А вотъ не украли бы лошадей!.. возразилъ Штейнъ.

— Дежурный долженъ смотрѣть въ оба, сказалъ унтеръ-офицеръ.—А всѣ остальные спать съ ружьемъ въ рукахъ.

— Они не придутъ, протянулъ Зинцингеръ такимъ тономъ, какимъ успокаиваютъ ребенка.

— Береженаго и Богъ бережетъ, добавилъ Штейнъ, не понявшій колкостей баварца.

Быстро наступала ночь. Наверху стучала сигнальная дверка и слышенъ былъ шумъ струи горѣвшаго кислорода. Малианапо передавалъ слѣдующее. «Какъ только будетъ восстановлено сношеніе съ Хайраби, сейчасъ же передать туда, что Генрихъ Олонга и Симсонъ Блауфусъ соединились у Андерберга. Опасность, угрожающая этапному пункту Морделей, очень велика. Четвертая рота полевыхъ войскъ должна немедленно выступить на Миндеркранцъ и у Карлсбеена ожидать изъ Аулиби два пулемета. Девятая резервная рота идетъ теперь на Требони къ Андербергу. Четвертая должна торопиться какъ только можетъ. Отъ согласнаго совмѣстнаго дѣйствія зависитъ все. При возможности передать дальше... Быть можетъ лейтенантъ Риттеръ окажется гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Надѡ слѣдить!» такъ заканчивалась длинная депеша.

— Мы слѣдимъ, отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

И онъ слѣдилъ. Усталые люди патруля и раненый Грабовскій спали крѣпкимъ сномъ, на днѣ окопа. Мартинъ и Горнъ, смѣненные унтеръ-офицеромъ и Зинцингеромъ, спускались тоже, чтобы лечь спать. Гдѣ-то недалеко вылъ шакаль.

— Зинцингеръ! вдругъ позвалъ полу-шопотомъ унтеръ-офицеръ. — У лошадей не ладно.... Слышно было какъ животныя фыркали и били копытами землю. — Свѣтите туда, я приготовлюсь стрѣлять.

Испуганно забились лошади, когда яркѣй свѣтъ сигнальнаго фонаря упалъ на нихъ. Прогремѣлъ выстрѣлъ. Еще одинъ и еще.... Свѣтъ потухъ. Лошади съ топотомъ бросились въ сторону.

— Вотъ такъ штука! сказалъ Зинцингеръ насмѣшливо. — Это можно было бы сдѣлать и безъ такого шума.

Остальные люди проснулись и схватились за свои ружья.

— Что случилось? спросилъ Штейнъ.

— Кому-то показалось привидѣнье, отвѣтилъ Зинцингеръ. И всѣ наши лошади — гайда!

— Я видѣлъ ясно двухъ готтентотовъ, въ которыхъ и стрѣлялъ, оправдывался унтеръ-офицеръ.

— Сквозь очки? проговорилъ вполголоса баварець.

Бухгольцъ снова пропустилъ сказанное мимо ушей.

— Завтра увидимъ, сказалъ онъ.

— Если это только недоразумѣнье, то лошади недалеко, добавилъ Мартинъ.

— А если никого тамъ и нѣтъ, то все же въ концѣ концовъ случилось бы то же самое!.. Ничего, нѣтъ удивительнаго, разъ ктонибудь разнервничается въ такую ночь, снова заявилъ Зинцингеръ; но Бухгольцъ опять промолчалъ.

Вдали снова завылъ шакаль. Мало-по-малу водворилась тишина. Маленькѣй унтеръ-офицеръ кусалъ себѣ губы. Онъ отчетливо видѣлъ при свѣтѣ прожектора двѣ желтыя фигуры около лошадей. Иначе онъ бы не стрѣлялъ. Но дѣйствительно, можетъ быть это ему показалось? И онъ самъ спугнулъ лошадей и отогналъ ихъ прочь? А этотъ баварець! Онъ чувствовалъ, что ему нужно его осадить. Но какъ?..

Когда Зинцингеръ, смѣненный Штейномъ, спускался внизъ, онъ опять сказалъ вполголоса: — только, пожалуйста, не находи привидѣній, какъ это видятъ другіе.

— Рядовой Зинцингеръ! раздался изъ темноты голосъ маленькаго унтеръ-офицера. — Убѣдительно прошу васъ обдумывать раньше ваши слова! Мы стоимъ передъ врагомъ...

Ворча ушелъ Зинцингеръ и легъ спать.

Долго бродилъ унтеръ-офицеръ взадъ и впередъ по окопу, пока наконецъ не улегся тоже. Темная ночь нависла надъ землею и смерть таилась въ ней...

— Смотрите въ оба! сказалъ онъ тихо ефрейтору на вышкѣ.
— Лишь только покажется огонекъ на сѣверѣ, станеть вызывать Хайраби, сейчасъ-же будите меня.

Но Хайраби молчалъ по прежнему... Снова завылъ шакаль. Откуда-то снизу отвѣчалъ другой...

Но Бухгольцъ уже спалъ.

Онъ не помнилъ, какъ проснулся... Снилось ему, что онъ былъ на родинѣ, была гроза. Молнія сверкала, отъ страшнаго удара грома затрясся весь домъ. Вскочилъ и увидѣлъ, что онъ въ чужомъ краю, что онъ долженъ защищать свою жизнь....

Шмидтъ выстрѣлилъ, Штейнъ тоже. Разсвѣтъ приближался и съ каждой минутой дѣлалось свѣтлѣе! Передъ нимъ сверкнулъ огонь въ полумракѣ и мимо уха прожужжала пуля; онъ быстро легъ на землю. — Штейнъ! Внизъ! крикнулъ онъ. Ефрейторъ прыгнулъ почти съ самага верху. Градомъ посыпались пули....

Люди заняли окопъ и открыли огонь. Каждый выстрѣлъ ярко обозначался въ сумеркахъ; мѣстами огни сливались въ одну длинную линію. Со свистомъ и воемъ летѣли пули, зарывались въ песокъ, щелкали о камни и точно молотками били по дереву вышки.

Нечаянное нападеніе не удалось. Снова повторилась картина вчерашняго утра. Когда разсвѣло и солнце позолотило кусты на востокъ, можно было видѣть готтентотовъ, лежавшихъ въ кустахъ въ разстояніи около 300 метровъ и выпускавшихъ пулю за пулей.

— Желтыя повязки! Унтеръ-офицеръ разсмотрѣлъ это въ бинокль. — Трауманнъ, прибавилъ онъ просто.

Огонь «желтыхъ» значительно ослабѣлъ.

Но если поднималась чьянибудь голова хоть на ладонь отъ насыпи, немедленно раздавался выстрѣлъ и прилетавшая пуля какъ бы спрашивала, что ей нѣжно.

Огонь нѣмцевъ постепенно совсѣмъ прекратился: не было смысла даромъ тратить патроны. Затихло и у противника, такъ что когда ефрейторъ Штейнъ высунулъ вверхъ шляпу, то никто не явился спросить что ей нѣжно. Тогда онъ высунулъ и голову.

— Отступаютъ! крикнулъ онъ и показалъ на кусты. Все было пусто и только легкое облако пыли лежало надъ кустами, въ чащѣ которыхъ исчезли всадники.

— Что тамъ случилось? спросилъ кто-то. Зинцингеръ тотчасъ влѣзъ на вышку, но и оттуда тоже ничего не было видно.

— Ушли, сказалъ онъ. Мартинъ и Горнъ были того же мнѣнія.

— Можетъ быть и лошадей назадъ получимъ.

— Я не хотѣлъ бы, сказалъ унтеръ-офицеръ.

— Почему? спросилъ баварецъ и прибавилъ вполголоса: вѣдь, я же говорилъ!...

— Какъ знать, быть можетъ это—военная хитрость. А насъ такъ мало! Что, если они это дѣлаютъ, чтобъ выманить насъ отсюда и потомъ разстрѣлять?

— Да на что имъ два—три человѣка? Что они съ насъ возьмутъ? сказалъ Штейнъ.

— А станція?...

— И лошадей ужъ отобрали, вставилъ Зинцингеръ.

— Къ сожалѣнью, да, со своей стороны добавилъ Бухгольцъ.

— Но, все же, помочь намъ животныя не могли бы.

— Ну, если умѣешь ѣздить верхомъ, то почему же нѣтъ!

Бухгольцъ промолчалъ. Люди были раздѣлены на смѣны; геолографъ установленъ на мѣсто. Маліанапо отвѣтилъ и спросилъ— передана ли телеграмма въ Хайраби? Но Хайраби на вызовъ не отвѣчалъ...

Раненый чувствовалъ себя лучше. Онъ сидѣлъ, прислонившись къ стѣнѣ окопа, и пилъ кофе, который Горнъ сварилъ на разведенномъ тутъ же въ ямѣ огнѣ.

— Не принести ли воды? спросилъ послѣдній.

— Хорошо. Я тоже пойду. Унтеръ-офицеръ взялъ ружье и крикнулъ дежурнымъ наверхъ: — смотрите хорошенько, если въ насъ начнутъ стрѣлять!

Онъ хотѣлъ убѣдиться—дѣйствительно ли онъ ошибся, когда тамъ ночью увидѣлъ «желтыхъ». Горнъ, перекинувъ винтовку черезъ плечо, взялъ оба ведра.

— Только не трусьте! Теперь ничего, навѣрное, не случится! крикнулъ имъ вдогонку баварецъ.

— Что ты, собственно, хочешь сказать? спросилъ ефрейторъ Штейнъ. Но тотъ ничего не отвѣтилъ, а пожавъ плечами и сдѣлавъ жалостливое лицо, кивнулъ головой по направленію унтеръ-офицера.

Ефрейторъ понялъ. Онъ покачалъ головой. Ему невольно вспомнились нѣкоторыя слова баварца и онъ подумалъ о томъ, что унтеръ-офицеръ всегда проглатывалъ обиду. Итакъ, значить, «почталіонъ» трусилъ! Человѣкъ особенно склоненъ вѣрить тому относительно другихъ, съ чѣмъ долженъ бороться въ самомъ себѣ...

Между тѣмъ унтеръ-офицеръ осматривалъ мѣсто, гдѣ стояли лошади. На землѣ лежала рѣдкая, травяная подстилка; земля вся была избита и истоптана, но человѣческихъ слѣдовъ не было видно. Ему это было очень непріятно.

Горнъ наполнилъ ведра водой и оба двинулись назадъ. Но едва они успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ сзади раздался выстрѣлъ и Горнъ упалъ лицомъ внизъ и не шевелился. Его судорожно сжавшіяся руки не выпустили ведеръ и лившаяся изъ нихъ вода смѣшивалась съ сочившейся кровью... А кругомъ опять отовсюду затрещали выстрѣлы.

Слома голову бросился унтеръ-офицеръ къ окопу.

— Видишь, какъ бѣжить! указалъ на него Зинцингеръ, быстро соскакивая съ вышки. — Даже не обернулся... Но тутъ же опустился самъ въ ровъ, потому что пули засвистали и съ другой стороны. И справа и слѣва. Положеніе было ясное и далеко не шуточное.

Трауманъ былъ старая лисица: онъ раздѣлилъ людей въ кустахъ, окружилъ высоту и теперь шелъ ее брать... Счастье, что оказались налицо и окопъ, и закрытіе!

Быстро раздѣлились оставшіеся пять человѣкъ: четверо по одному на каждую сторону, а унтеръ-офицеръ остался въ резервѣ, готовый помочь каждому. Ползая вдоль окопа, Грабовскій ната скалъ здоровой рукой кучку патроновъ каждому.

Дѣло становилось тяжелымъ. Искусно перебѣгали «желтые» стрѣлки отъ куста къ кусту. Выстрѣлы ихъ скрещивались надъ пятью людьми въ окопѣ. Даже ефрейторъ Мартинъ поблѣднѣлъ, когда, въ то время, какъ онъ прицѣливался, сзади надъ его головой прожужжала пуля.

Но дорого уже стояли противнику попытки овладѣть станціей! Неподвижно лежалъ впереди убитый Горнъ. Пули, ударяясь въ землю, поднимали вокругъ него облачка пыли, какъ будто «желтые» и его еще считали способнымъ бороться съ ними.

Громко стукнула пуля по одному изъ ведеръ, лежавшихъ рядомъ съ мертвецомъ. И все ближе и ближе виднѣлись въ кустахъ фигуры наступавшихъ, все сильнѣе и сильнѣе свистѣли пули надъ

головами шести людей, отстаивавших свое существованіе. Унтеръ-офицеръ Бухгольцъ лежалъ рядомъ съ Зинцингеромъ, какъ вдругъ ефрейторъ Мартинъ крикнулъ: — Хайраби зоветь!..

— Что?

— Хайраби зоветь!.. Бухгольцъ бросился къ той части окна, откуда раздался голосъ. Ефрейторъ показывалъ вдаль на Павіанскопъ. Унтеръ-офицеръ тотчасъ же очутился рядомъ съ нимъ и впился глазами въ бинокль. Сомнѣнья нѣтъ. Тире, точка, тире, точка, точка, тире!.. Хайраби вызывалъ станцію...

— Они могли бы, кажется, вызвать насъ получасомъ раньше, громко сказалъ Зинцингеръ. — Теперь поздно. И, прицѣлившись, онъ выстрѣлилъ въ зеленую шляпу внизу, у небольшого куста. Шляпа исчезла. Новый рой пуль, съ визгомъ пролетѣвшій надъ нимъ, былъ отвѣтомъ противника. А вдали мигалъ свѣтъ съ Хайраби: тире, точка, тире, точка, тире, точка...

Унтеръ-офицеръ Бухгольцъ обернулся.

— Зинцингеръ! позвалъ онъ.

— Что прикажете? произнесъ тотъ съ прежнимъ удареніемъ.

— Переменитесь мѣстомъ съ Мариномъ и идите сюда. Мартинъ, а вы проберитесь туда, гдѣ лежитъ Зинцингеръ.

Медленно подползъ баварецъ и, когда улегся, унтеръ-офицеръ сказалъ ему:

— Здѣсь вчерашнее сообщеніе. Пожалуйста, продиктуйте его мнѣ. Вотъ и хорошо, что я такой тощій!

Баварецъ не понялъ и съ удивленіемъ поглядѣлъ на маленькаго человѣка, когда тотъ всталъ и бросился къ вышкѣ. Быстро взбѣжалъ онъ по ступенямъ и улегся на площадкѣ; потомъ повернулъ зеркало аппарата къ сѣверу и защелкалъ рукояткой.

— Готово! крикнулъ онъ внизъ. Готтентоты, точно пораженные, на мгновеніе приостановили перестрѣлку, но затѣмъ, спохватившись, удвоили силу своего огня.

— Частый огонь, начинай! скомандовалъ ефрейторъ Мартинъ. — Они бьютъ по немъ, какъ по орлу на шестѣ на стрѣлковомъ праздникѣ!

Да такъ почти и было...

Во всякомъ случаѣ мѣткій и скорый огонь стрѣлковъ сослужилъ службу; всѣ старались какъ могли. Стволы ружей накались; раненый Грабовскій таскалъ воду, чтобы поливать ихъ и разносить патроны. Баварецъ чертилъ крупныя буквы патронной

• гильзой на песокъ, потому что трескотня выстрѣловъ заглушала его громкій голосъ. Сверху сыпались отбитые пулями куски дерева, точно ударами кнута хлестало по бревнамъ и доскамъ; воздухъ наполненъ былъ визгомъ и свистомъ... Но зеркало еще было цѣло и продолжало работать.

Долго ли это было, минуты ли, часы ли—сказать никто изъ нихъ не могъ. Казалось, во всякомъ случаѣ, что было безконечно долго. Зинцингеръ не могъ больше переносить своего бездѣйствія. Телеграмма подходила къ концу. Онъ приложился и быстро выпустилъ пять патроновъ. Взглянувъ поспѣшно наверхъ, онъ увидѣлъ, что унтеръ-офицеръ повернулъ зеркало и вызываетъ уже Маліанапо. Опять зустучала рукоятка; Зинцингеръ прямо не могъ смотрѣть. — Идите внизъ! кричалъ онъ послѣ cadaго выстрѣла. — Идите же внизъ!

Маленькій унтеръ-офицеръ кончилъ.

— Наконецъ-то! Всѣ видѣли снизу, какъ онъ нащупывалъ ногой верхнюю ступеньку лѣстницы. Вотъ нашель! Но... схватился за грудь и упалъ лицомъ внизъ. Туловище оставалось на площадкѣ, ноги свѣсились внизъ. Попали таки! Бѣлый осколокъ дерева отскочилъ оттуда и баварецъ ясно услышалъ какъ что-то стало капать сверху на доски подъ вышкой. Онъ не понялъ сразу, что это такое. Но потомъ сообразилъ. Вѣдь это кровь! Съ ужасомъ глядѣлъ онъ туда... — Еще живъ, сказалъ около Грабовскій. Мигомъ вскочилъ Зинцингеръ, бросился наверхъ по лѣстницѣ, схватилъ легкое тѣло товарища и вотъ... уже съ нимъвнизу. Кругомъ жужжанье и свистъ еще сильнѣе... Но ни одна пуля, по счастью, ихъ не задѣла.

Въ окопѣ онъ положилъ маленькаго человѣка въ закрытіи. Мундиръ на груди у несчастнаго былъ разорванъ, весь въ крови; свѣжая кровь струилась изъ раны, окрашивая и мундиръ баварца; тяжелое, хриплое дыханье вырывалось изъ груди...

Вдругъ унтеръ-офицеръ открылъ глаза и оглядѣлся. Улыбка сознанья пробѣжала по его лицу. «Хай-ра-би зо-ветъ», прошепталь онъ и снова впалъ въ забытье.

— Зинцингеръ! окликнули его. Идутъ на насъ!

Баварецъ бросился въ окопъ на свое мѣсто. — Задѣло легкое! прокричалъ онъ, принимаясь стрѣлять; каждый понялъ, что это значило...

Опять четверо лежатъ подъ огнемъ, повернувшись въ разныя стороны. Огонь противника сталъ слабѣе; его движеніе впередъ остановилось. Было видно, какъ то тутъ, то тамъ, падали враги подъ мѣткими выстрѣлами оборонявшихся.

Грабовскій занялся унтеръ-офицеромъ.... Воды не было; бѣдный Горнъ унесъ ведра, а онъ, Грабовскій, весь бывшій остатокъ вылилъ на горячіе стволы ружей; огня нѣтъ тоже; нечего было и поѣсть.

Солнце жгло немилосердно. И четыре бойца лежали у бруствера и томительно ждали ночи.

Прошелъ часъ, другой... Можно было подумать, что «желтые» исчезли; но снова затрещали выстрѣлы и нѣсколько пуль пробили шляпу, поднятую ефрейторомъ Штейномъ. Одновременно засви-стѣли пули и сзади....

Зинцингеръ думалъ о «почталіонѣ». Стыдно было ему... На него, на здороваго простого человѣка, поступокъ маленькаго унтеръ-офицера, произвелъ глубокое впечатлѣніе. Даже и въ голову не приходило, чтобы можно было подъ такимъ огнемъ лѣзть туда, наверхъ! Нравственно подавленный происшедшимъ, онъ машинально уставился глазами на цифры прицѣла ружья. До сихъ поръ онъ видѣлъ и считался только съ физической силой: тутъ же онъ встрѣтился впервые съ превосходствомъ духа надъ тѣломъ.

— Штейнъ! позвалъ баварецъ.

— Здѣсь! откликнулся тотъ.

— А, вѣдь, онъ не былъ трусомъ....

— Ужъ именно—нѣтъ!

Теперь ему точно стало легче.... Самъ не зная зачѣмъ, онъ приложился и выстрѣлилъ не цѣлясь. Тотчасъ же нѣсколько пуль прилетѣло въ отвѣтъ. И опять все стихло....

Палящее солнце, медленно подвигаясь къ западу, жгло до боли спины и плечи. Утомленные руки невольно выпускали ружья, глаза закрывались, усталые отъ непрерывнаго напряженія въ раскаленномъ воздухѣ. Грабовскаго опять лихорадило. Онъ лежалъ въ закрытіи безъ малѣйшаго движенія; только порывисто поднимавшаяся и опускавшаяся грудь свидѣтельствовала о томъ, что онъ живъ: бѣдняга, очевидно, переутомился.

Вдали видѣлся угрюмый Павіанскопъ. Что въ томъ, что снова ожилъ Хайраби?...

Ефрейторъ Мартинъ думалъ объ обрушившемся на нихъ несчастьѣ.

Вот придетъ ночь; кто же будетъ сторожить, кто будетъ телеграфировать?... Онъ старался отогнать эти мысли; голова его была неспособна сейчасъ для такой работы. Какъ нибудь обойдется! Ну, а если нѣтъ....

Но тутъ вдругъ.... изъ кустовъ показался кто-то въ мундирѣ и широкополой шляпѣ, съ ружьемъ за спиной. «Ура!» раздалось оттуда.

Мгновенно вскочили «желтые» и бросились бѣжать: здѣсь перекувырнулся одинъ, тамъ остался лежать другой, большинство исчезло въ кустахъ. Хайраби прибылъ на выручку....

Защитники станціи выскочили наверхъ и радостно махали ружьями и шляпами.... Все это было слишкомъ неожиданно и Шмидтъ почувствовалъ, какъ слезы подступили къ его глазамъ.

Капитанъ Людерицъ подскочилъ къ вышкѣ.

— Станція Аллабати. Занята 1 унтеръ-офицеромъ и 3 нижними чинами 7-й телеграфной роты, рапортоваль ефрейторъ Мартинъ.

— Три нижнихъ чина изъ патруля Везендала, добавилъ ефрейторъ Штейнъ.

— Когда на васъ напали? спросилъ капитанъ.

— Первый разъ рано утромъ въ половинѣ шестого, потомъ опять послѣ 9 часовъ утра, доложилъ Мартинъ.

— Потери?

Тутъ, наконецъ, всѣ вспомнили о Горнѣ.... Онъ лежалъ тамъ, впереди, лицомъ внизъ, какъ упалъ утромъ. Ефрейторъ Мартинъ подбѣжалъ и наклонился надъ нимъ. Видно было, какъ онъ закрылъ шляпой голову товарища....

— Убить на поваль нѣсколькими пулями въ голову! крикнулъ онъ оттуда и пошелъ къ повозкѣ за лопатой. Надо было засвѣтло предать тѣло землѣ.

— Кто же сигнализироваль? спросилъ капитанъ Людерицъ послѣ минутнаго молчанья.

— Унтеръ-офицеръ Бухгольцъ. Его ранило при этомъ пулей въ легкое. Лежить въ окопѣ.... отрывисто отвѣчалъ ефрейторъ.

— Доктора! крикнулъ капитанъ внизъ къ своей ротѣ.

— Присмотрите, пожалуйста; за молодцомъ. Онъ оказалъ всѣмъ намъ огромную услугу.... Я донесу объ этомъ. Вы, докторъ, догоните насъ потомъ. И повернувъ лошадь, добавилъ: надо спѣшить къ Андербергу!

Рота уже выступила и капитану пришлось ее догонять.

Врач наклонился къ унтеръ-офицеру, лежавшему безъ признаковъ жизни; лицо его стало серьезно.

— Ну, будемъ надѣяться, что не все пропало.... наконецъ проговорилъ онъ. — Но какъ же онъ попалъ подъ пули?

Какъ могъ разсказать Штейнъ обо всемъ, что было.

— Какой ужасъ! произнесъ штабъ-лекаръ, взглянувъ на вышку. Онъ свалился оттуда?

— Нѣтъ, онъ остался лежать наверху.

— Кто же его снесъ?

— Рядовой Зинцингеръ!

Молча протянулъ докторъ руку баварцу. Тотъ потупился и сказалъ коротко:

— Я былъ у него въ долгу!...

А унтеръ-офицеръ Бухгольцъ медленно раскрылъ глаза и еле слышно прошепталъ:

— Хай-раби зоветъ....

